

Утро майского дня было хмурим. Деревья и кусты, поспешившие нарядиться в одежды из светло-зелёного шифона, казалось, знобило под порывами северного ветра. Серые лужи холодно отливали металлом.

Екатерина Андреевна закрыла форточку в ординаторской.

– Сквозняк! – пояснила она заведующему.

Егор Александрович просматривал анализы больных, поступивших вчера. Зав детским анестезиолого-реанимационным отделением был крупным мужчиной сорока трёх лет. В чёрных густых волосах пробивалась седина.

На подоконнике заворчал и стал плевать с кипятком старенький электрокофейник.

– Егор, кофе будешь? – Женщина показала начальнику банку с кофе.

Зелёные глаза на округлом лице Егора засветились благодарностью.

– Конечно, Катюша! Сахару...

– Две, как обычно, – закончила Екатерина.

Дородная фигура доктора Афанасьевой, выключавшей кофейник, закрыла собой пол-окна. За окном пошёл снег, нелепый на фоне зеленющих листьев и травы. Крупные хлопья снега безостановочно падали с неба. «Как наложение кадров в мультфильме», – подумала Екатерина.

От запаха кофе у Егора по лицу расплылась блаженная улыбка.

– Егор Александрович, мальчик в детское отделение поступил. Внутривенная урография, –

сказала вошедшая в ординаторскую медсестра и протянула одной рукой историю болезни.

Другой она поправила светлые волосы, высоко забранные в хвост. Екатерина Андреевна окинула неодобрительным взглядом стройную фигуру молодой женщины в коротком белом халатике.

– Леночка, передай, что я спущусь в детское к десяти. Как сынишка? – спросил Егор Александрович, глядя в глаза медсестре.

Между строк слышалось: «Я соскучился!»

– Нормально. В сад отвела, – залучилась голубыми глазами Леночка. («Я тоже соскучилась!»)

Елене было приятно чувствовать себя фавориткой короля. Пусть короля отделения. Зато како! Сильного, страстного. А пусть все завидуют!

Мужчина заинтересовался двадцативосьмилетней Еленой сразу же, как только она устроилась на работу в отделение после декретного отпуска. «Что он в ней нашёл? Похожа на усечённую тень...» – думала Екатерина Андреевна. Впрочем, она необъективна. Личико у Леночки хорошенькое. Особенно хороши глаза. И движения мягкие, как у мелкой хищницы кошачьей породы. С кем её сравнить? Для рыси слишком тоща. Для домашней кошки диковата... Да нет, Егору во вкусе не откажешь. С ним всё ясно!..

– Елена Ивановна, катетер приготовьте! Анечке Василенко поставим, – распорядился доктор Афанасьева.

«Лошадь! – подумала медсестра про Афана-сьеву. – Хотя бы гриву свою красила!» И посмотре-ла на неё как на пораженку. А вслух сказала:

– Сейчас приготовлю, Екатерина Андреевна!

Та отвернулась к окну. Кто-то наверху про-должал прокручивать плёнку со снегом. Всё пра-вильно: пораженка она и есть! Екатерина была тайно влюблена в бывшего однокурсника Конда-кова. Было практически невозможно не влю-биться, день за днём ощущая рядом его обаяние и мужественность.

Много лет назад Катерина, зная, что же-на Егора в командировке, набралась смелости и позвонила ему домой. На что, собственно, она рассчитывала? Что Кондаков пригласит её на свидание? Скорей всего, Кате просто хотелось услышать голос любимого человека.

Ответил не Егор, а его жена, вернувшаяся из командировки на день раньше.

– Алло, – раздался в трубке её сонный голос.

Кате стало стыдно, как будто она вошла в спальню Кондаковых и увидела их обнажёнными. Больше Екатерина Андреевна не позволяла себе подобных глупостей...

В десять часов Егор Александрович вошёл в палату детского отделения. Поступивший вось-милетний мальчик с тоской смотрел на улицу. На затылке испуганно торчал вихор каштановых во-лос. Маленький пациент, заслышав шаги, повер-нул голову к Егору. В больших карих глазах чи-тался ужас безысходности.

– Ты Ломов Егор? – дружелюбно спросил его доктор. – А я Егор Александрович. – И протянул свою широкую ладонь ребёнку. – Тёзка, стало быть! Ты не бойся, Егорка! Мы сейчас тебе сде-лаем укольчик, потом сфотграфируем спинку. И завтра мама тебя заберёт.

– А сегодня домой нельзя? – робко протягивая свою маленькую руку доктору, спросил мальчик.

– Завтра, Егорка! Завтра, – ответил Конда-ков, а медсестре: – Ведите в рентген-кабинет!

Через несколько минут после того, как при-вели пациента, в рентген-кабинете раздались крики. Егор Александрович, открыв дверь, отры-висто скомандовал санитарке:

– Каталку! Срочно! Поднимаем к нам!

Бездыханное тело мальчика быстро подняли на лифте в реанимацию.

– Катя! Смерть на конце иглы!

Екатерина Андреевна моментально включи-лась в работу. ИВЛ... Адреналин в сердечную мышцу... Дефибриллятор... Капельница тянула своё прозрачное щупальце с питательными ве-

ществами к руке мальчика... Егорка не оживал. Доктора вскрыли мальчику грудную клетку. Пря-мой массаж сердца... Прошло двадцать минут. Егор Александрович как бы смотрел на себя со стороны, понимая, что всё бесполезно. Но руки продолжали работать...

– Егор! Егор! – несколько раз окликнула Ека-терина.

Завреанимацией опустил руки и грузно осел на стул. В душе зияла пустота. Как будто смерть Егорки вырвала из неё кусок.

– Я пообещал, что он завтра пойдёт домой, – почти простонал Кондаков.

– Мы сделали всё, что могли, – напомнила Екатерина Андреевна.

– Кого это волнует, Катя? Ты что, надеешься этим оправдаться перед его матерью? – утирая пот со лба, тихо поинтересовался доктор.

Мальчик лежал на столе с развороченной грудной клеткой и запрокинутым бледным лицом.

– Елена Ивановна, закройте ребёнка (у Кон-дакова не повернулся язык сказать «труп»), и пусть санитарка собирается в морг, – дал коман-ду заведующий.

Как доработал, Егор помнил плохо. Все дей-ствия, беседы – на автомате. И всё время сжи-мало в левой половине груди. Пока Катя не дала ему нитроглицерин...

Кондаков шёл домой, никого и ничего не за-мечая. Снег хлопьями лип к лицу и одежде. Егор не пытался бороться с его навязчивостью. Было всё равно.

Дома он молча снял верхнюю одежду и про-шёл в зал.

– Егор, одежду стряхнуть надо было! Ну по-смотри, с неё же течёт! – сказала вошедшая за ним жена. – Что-то случилось? – встревоженно спросила она, взглянув в лицо Кондакова.

– Не сейчас, Ириша! – устало ответил тот.

– Есть будешь?

– Нет, Ир! Я отдохну.

Он достал из бара бутылку коньяка, залпом выпил полстакана. Потом лёг на спину на диван, закрыл глаза и стал вспоминать. Егор всегда старался вспоминать что-то хорошее, когда ему было плохо. В основном моменты студенческой жизни.

Последнее время всё чаще вспоминалась Инга Петрова. Это потому, что в его отделение пришла работать Лена. Егор, когда увидел её, прямо обалдел: Инга! Конечно, стопроцентного

сходства не было. Но те же светлые кожа, волосы, наивный взгляд небесно-голубых глаз... И в дополнение к этой ангельской внешности периодически выплёскивающийся не по-ангельски бурный темперамент.

Инга... Имя как узоры на окне морозной зимой. Снежная кожа, льдистые глаза... Снегурочка. Недотрога. Что у Кондакова было с ней? Да в общем ничего. Так, целовались несколько раз.

Егор вспомнил, как они ездили на втором курсе на картошку. Было весело. Работа как-то не очень напрягала. Кондаков тогда был, можно сказать, худой. Даже не верится! Они с Ингой целовались тогда в первый раз, спрятавшись за овощехранилищем. На Петровой был серый дурацкий свитер и штормовка. Серые советские джинсы болтались на ней как на вешалке. От смущения у Инги алели щеки. Она робко подставляла лицо и целоваться совсем не умела. Егор учил её: «Не напрягай губки, глупая!»

А на следующий день они поссорились в пух и прах из-за какого-то пустяка. Упрямый парень назло Инге стал встречаться с грудастой Веркой Павловой. Петрова демонстративно не замечала его...

На третьем курсе Егор влюбился в синеглазую кокетку Ольгу Титову. Когда она его бросила, Кондаков напился. Он напился и на следующий день на студенческой пирушке в общаге. Гуляли в Ингиной комнате. Обнявшись втроём с Ингой и Наташкой Зверевой, они медленно кружились под какую-то песню Антонова. Потом Наташке срочно понадобилось уйти. Инга провожать её не пошла, а продолжала кружиться с Егором. Они долго целовались. А потом Юрка и Костя утащили пьяного товарища в такси.

Кондаков сопротивлялся и вопил:

– Я ночевать здесь останусь! Она меня любит!

Инга молчала. Он не сказал: «Я её люблю!» И вообще... Просто перебрал.

– Она меня любит, – всхлипывал Егор в такси.

А на следующий день он сделал вид, что ничего не было. В сердце саднила рана, оставленная Ольгой...

Потом Егор вспомнил, как на шестом Инга ссорилась с ним. Он посмел уличить Ингину подругу в том, что она не знает классику русской поэзии.

– Ты кем себя вообразил?! – яростно напала на него Петрова и была похожа на закипевший кофейник.

Во всяком случае, рядом с ней напряжение было не меньше двухсот двадцати вольт, и только пар из ушей не шёл.

– А может, товарищ Всезнайка расскажет нам об операх Римского-Корсакова?! Или элементарно с английского переведёт?!

С английским у Кондакова был полный завал. Это точно. «Чего она разоралась?» – ошеломлённо думал он. Ингу-то Егор не задевал. А чего её задевать? В литературе и музыке Петрова разбиралась будь здоров! Да и на английском шпарила, как на родном. Потом по дороге домой Кондаков понял причину её внезапного выплеска: просто Инга к нему равнодушна!

И на следующий день под предлогом помочь что-то ему найти Егор заманил свою симпатию в лаборантскую. Там он молча прижал её своим большим телом к стене и целовал до крови её по-детски пухлые губы. Инга задыхалась, но не отталкивала парня.

– Я приду к тебе сегодня? – прошептал он. – Приду?

Та замотала головой, глядя в его глаза пьяными глазами.

– Почему? Ведь я же тебе нравлюсь...

Он опять не сказал: «Ты мне нравишься!»

– ...Инга, скоро мы закончим учиться и разведемся, может, не увидимся никогда...

– В том и дело, Егор, разведемся! Ты со своей женой, а я... Что же ты раньше?.. – вдруг провалился у неё в голос слёзы.

И выбежала из лаборантской. Раньше... А что раньше? Жену Кондаков выбрал правильную. Не всю же жизнь по Ольге страдать? Кондаков себе цену знает! Женским вниманием обделён не был. А Ирка училась на параллельном курсе. Хозяйка хорошая: и приготовит – пальчики оближешь, и чистюля. Характер без вывертов. Ну и фигура – всё при ней.

С Ингой жить – то же самое, что голым задом сидеть на действующем вулкане. Фудзияма!.. И всё же она волновала Егора. Ему часто, глядя на Ингу, хотелось повалить её, беспощадно смять, почувствовав, как она извивается, послушная мужским рукам. Как смеет эта девчонка заноситься и кричать на человека, которого любит?! Но Инга смела, а он почему-то позволял.

А теперь вот Ленка... Конечно, его нынешняя пассия была менее романтической. Инга любила его бескорыстно, а Ленка использует: заставила его, например, для своего ребёнка место в саду выбить. И всё же мужчина считал появление её в своей жизни подарком судьбы.

Утром Егор с трудом оторвал голову от подушки.

– Ир, кофе завари! – попросил он жену и закурил.

– Егор, опять дымишь, как паровоз! И кофе! А сам на сердце жалуешься. Когда кардиограмму снимешь? Что, тебя к себе в центр тащить?

– А ты у нас ведёшь здоровый образ жизни! – ввязался в перепалку мужчина. – Буквально образец для подражания! А чей это окурочек с утра пораньше в пепельнице? Серёжкин, что ли?

– Я, по крайней мере, гимнастику по утрам делаю и с работы пешком хожу! – огрызнулась Ирина.

– Ира, не заводись, я тебя умоляю! Кофе дай!

– Пожалуйста, Егор, сделай сегодня кардиограмму! – напомнила женщина, подавая горячий напиток и целуя мужа.

Егор для Ирины двадцать лет был старшим ребёнком, которого нужно везде водить за руку. «Знаешь, Ир, мне на работе надоедает принимать решения. Давай сама!» – говорил он. По поводу своего здоровья Кондаков тоже не слишком напрягался. Считал себя бессмертным, видимо.

Он рассеянно кивнул. Как обычно.

– Что там у тебя на работе? – сочувственно вспомнила жена.

– Смерть на конце иглы. Восемилетний ребёнок. Привели на урографию, – бесстрастно ответил Кондаков.

– Заключение патологоанатомов когда будет?

– Сегодня или завтра.

Егор с тяжёлым сердцем шёл на работу. Предстоял разговор с Ломовой, матерью погибшего мальчика.

Нужно ли описывать полубезумное поведение матери Егорки, которая, рыдая, кидалась на врачей с кулаками и называла их убийцами? Катя, удерживая женщину своими сильными руками, пыталась её урезонить. Но той не нужны были объяснения. Матери нужен был сын. Живой и относительно здоровый.

Егор, понимая это, глядел в глаза Ломовой, не пытаясь оправдаться. Потом едва слышно произнёс:

– Извините...

И ушёл в отделение.

– Извините?! – кричала вслед ему потерявшая сына мать. – Он думает, я его извиню! Сидеть будешь, боров недорезанный!

Она кричала что-то ещё, пытаясь бежать за Егором Александровичем. Но крепкий санитар

Олег загородил собой вход в отделение. И, строго пояснив: «Не положено!», захлопнул дверь в реанимацию.

Кондаков сидел в своём кабинете и держался за левую половину груди. Катя протянула нитроглицерин.

– Егор, иди домой! Я справлюсь, – предложила она.

– Заключение патологоанатомов пришло?

– Да, посмотри: увеличена вилочковая железа, смерть вследствие аллергического отёка лёгких. Никто не смог бы спасти этого ребёнка! По сути, он был обречён. Не этот случай, так другой... – убеждала шефа Екатерина Андреевна.

– Лучше бы другой, – горько вздохнул тот.

...В среду наконец потеплело. Деревья и кусты радостно разворачивали новые нежно-зелёные листочки. Голубизна весеннего неба была ослепительна.

В девять утра открылась дверь в ординаторскую. Сквозняк бесцеремонно перелистал истории болезни маленьких пациентов на столе Екатерины Андреевны, не подозревая о врачебной тайне. В кабинет вошёл молодой человек невысокого роста, в сером костюме и галстук.

– Следователь Потапов, – бодро представился он. – У Ломовой Светланы Васильевны в вашем отделении скончался сын.

И, не дожидаясь приглашения, Потапов уселся в кресло.

– Что вы хотели бы от нас услышать? – ровным голосом поинтересовался Егор Александрович.

– Ну, в первую очередь что вы, уважаемые доктор, ввели ребёнку? После каких манипуляций умер практически не болевший мальчик? – ехидно спросил следователь.

– То, что обычно вводят перед проведением данного обследования. В истории болезни всё зафиксировано, – сухо ответил Кондаков. – Екатерина Андреевна, распорядитесь, чтобы нашли историю Ломова!

– И передозировка, по-вашему, исключается? – подозрительно продолжил Потапов.

Егору захотелось назвать его «молокососом» и вышвырнуть за дверь.

– Да как вы разговариваете с заведующим отделением?! – вспылил доктор Афанасьева. – У Егора Александровича стаж работы – двадцать лет! Вы даже не в состоянии представить, сколько он спас детских жизней!

– Минуточку, госпожа Афанасьева! Никто не оспаривает его прежние заслуги. Но и на старуху бывает проруха, – высокомерно сострил молодой человек.

– Екатерина Андреевна, зачем... – попытался охладить пыл коллеги Кондаков.

– Историю болезни что-то долго не несут... Последние срочные исправления? – продолжал упражняться в остроумии Потапов.

Завреанимацией навалился всей тяжестью своего наполненного неприязнью взгляда на прыткого следователя и отчётливо произнёс:

– Извините, у меня очень много работы! Запрос на историю, пожалуйста!

– Пожалуйста! – суетливо порывшись в портфеле, протянул бумагу присмиривший молодой человек.

– Ожидайте! – бросил Кондаков и вышел из ординаторской.

За ним вышла Афанасьева. Потапов в одиночестве дождался медсестру с интересующим его документом.

– Послушай, Егор! Он с нами разговаривал, как будто мы вправду убийцы! – прокомментировала в конце смены беседу со следователем Екатерина Андреевна.

– А кто мы, Катя? Убийцы! «Оборотни в белых халатах!» И, главное, ты обратила внимание, как всё у него замечательно складывается: вот труп, а вот преступники – бери сажай в тюрьму! Суд со сроком заключения только определиться должен. Заметила, что этот хлыщ весь от счастья прямо светится? Дырку, наверно, в пиджаке уже себе проковырял. Для ордена. Опасных преступников словил! – зло ответил Егор Александрович.

...Следователь заявился через три дня. Кондаков опять хотел, сославшись на занятость, избежать расспросов амбициозного молодого человека. Но тот пообещал в таком случае вызвать докторов в прокуратуру.

– Слушаю вас! – с трудом сдерживая раздражение, повернул лицо к Потапову завотделением.

– Насколько, Егор Александрович, было обосновано данное обследование? – спросил следователь.

– Обосновано. У мальчика была вялотекущая, плохо поддающаяся лечению инфекция мочевыводящих путей, – пояснил доктор Кондаков.

– А если бы вы знали, что у него может наступить смерть в силу его особенностей? – уточнил Потапов.

– Разумеется, я не стал бы провоцировать подобный ход событий.

– В таком случае почему не были проведены дополнительные обследования по выявлению увеличения вилочковой железы?

– Вероятность смерти во время урографии – один к двум тысячам. Прикажете двум тысячам пациентов перед облучением поясничной области проводить дополнительно облучение грудной клетки? – вмешалась в разговор Екатерина Андреевна.

– Прикажу! – живо откликнулся следователь. – И вам, мадемуазель Афанасьева, – выделив слово «мадемуазель», продолжил он, – я бы лично своих детей вообще не доверил! Поскольку у вас нет собственных. Вы никогда не поймёте чувств матери! Пациенты для вас просто посторонние. Рабочий, так сказать, материал!

– У нас что, профпригодность в педиатрии теперь определяется наличием или отсутствием личных детей? – посерев лицом, холодно парировала Катерина.

«Сволочь! Откуда-то ведь узнал! А то, что ей нельзя рожать...» – мелькнуло в голове у Егора. Он понял, что как раз сейчас осуществит заветное желание вышвырнуть вон этого гадёныша. Кондаков схватил мелкого молодого человека за шиворот своей могучей рукой и, невзирая на протесты и угрозы Потапова, проволоком его ко входной двери отделения. Получив от своих неразумных действий моральное удовлетворение, Егор Александрович решил, не возвращаясь в ординаторскую, посмотреть поступившую вчера девочку.

– Елена Ивановна! – обратился он к медсестре, входя в палату.

Внезапно сильная жгучая боль заставила Кондакова схватиться за левую половину груди. Густой туман застилал глаза. «Дым... Курят!..» – успел подумать Егор и боком завалился на пол.

Медсестра вскрикнула и позвала с отчаянием:

– Екатерина Андреевна! Егор Александрович...

Вбежавшая Катя увидела лежащего на полу Кондакова и толкнула плачущую Елену к постовому телефону:

– Кардиологов вызывай!

Сама с санитаркой уложила заведующего на кушетку. Все действия, распоряжения – на автомате.

– Сейчас, Егор, сейчас, – шептала Екатерина Андреевна.

Специализированная бригада примчалась в считанные минуты. Диагностировали обширный инфаркт. Кондакова срочно увезли в кардиоцентр.

– Иди работай! – с неприязнью посоветовала Афанасьева в тоске опустившей голову Елене. – Необязательно всем демонстрировать своё личное горе! Постыдилась бы!

Лена гордо подняла трясущийся от сдерживаемых рыданий подбородок.

– А мне стыдиться нечего! Я люблю его! – ответила она. – А вы обзавидовались прямо на мою молодость и красоту!

Впервые война взглядов была озвучена.

Лене и вправду казалось в этот момент, что Егора она любит. А эта моралистка...

– Елена Ивановна, «тему любви» обыграете дома с мужем. Или, если хотите, с Ириной Алексеевной.

«Ей же позвонить надо!» – вспомнила Катя про жену Кондакова.

– Екатерина Андреевна, вы забыли? Его к нам привезли, – негромко ответила на другом конце провода Ирина.

Кате стало стыдно. Как будто она вновь вмешалась в их семейные отношения.

– Как он? – коротко спросила Афанасьева.

– Оперируют, – так же коротко ответила Ирина Алексеевна.

Егор лежал с развороченной грудной клеткой и запрокинутым бледным лицом и равнодушно смотрел на себя сверху и сбоку. Как посторонний. Над его грузным телом склонились коллеги – кардиохирурги... К его мощной руке тянулась тонким прозрачным щупальцем капельница... Монотон-

но работала ИВЛ... Кондаков знал, что всё бесполезно. Он не вернётся в это тело с кровотокащим сердцем. Зачем? Он устал. Просто устал... Егор видел, что в операционную вошла женщина в зелёном хирургическом костюме и маске. Она тихо села в углу и стала умолять Кондакова не покидать их с сыном: «Господи, пусть, пусть эти его интрижки на работе, я привыкла. Только бы жил! Только бы... Господи!» Ирина не умела молиться. «Жена», – узнал Егор. И понял, что вернуться придётся. Она не отпустит. И ещё кто-то его не отпускал. Какая-то женщина со светлыми волосами. Кондаков не мог вспомнить...

– Зашиваем, – распорядился Алексеев, ведущий хирург. – Слава богу! Всё обошлось. Ну что там ещё? Ира, ты что здесь делаешь?!

Ирина Алексеевна рыдала, сидя на полу операционной...

Екатерина Андреевна в мрачных думах брела по улице. На остановке стоял Егор. Катя вздрогнула от неожиданности и вгляделась в лицо. Посторонний мужчина с вызовом посмотрел зелёными глазами Кондакова ей в глаза.

Катерина опустила голову и медленно пошла домой. Дома ждали отец и мать. Она единственная дочь, «свет в окошке». А завтра – обычный рабочий день. И объяснения со следователем Потаповым, который наверняка кондаковский инфаркт воспримет как ловкий уход от уголовной ответственности. И дети, которых необходимо спасать... Посторонние? Нет, это её дети! Что бы там ни говорили Потаповы, Ивановы, Петровы, следователи, коллеги... И даже родители этих детей.

82

